

Поднявшись из полутьмы, прямо за энергетическим водопадом возникло нечто неопишное – фреска. Непешно плывя сквозь пространство, нефритовая глыба изображала идеально ровную поверхность стеклянной планеты, из недр которой возвышался одинокий шпиль. Небесную башню защищали лучи семи кристалльных ядер, но это не остановило тех, кто был рядом с ней.

(с) Гамбит-Сайфер

Определение: «Война в Небесах» – это найденная во время исследования варп-крепости «Хаммельсгодхейм» 091-го памятная таблица, или же фреска, состоящая из чистого Гиперстеллума и повествующая о величайшей войне первых Хемеллинов...

Признанный «Ре-Ком» достоверным перевод содержимого фрески [Ниже информация под грифом: «Спойлер»]:

Однажды, когда обернулась вселенная прахом, нуля средоточие породило нечто, цикл бесконечный замкнувшее... нечто именуемое Мыслью...

Из мысли разум был создан, из разума формы сотворились, из форм две грани вышли: материя с энергией, тьма безграничная со светом небесным, брат с сестрою. И указано было им созидать и разрушать, семена жизни принося за границы бездны самой, дабы росток каждый взошел и стал корнем, а корни те взмыли к небу бесцветному подобно древу и переплели собою горизонт обозримый, и когда час судный наступит, и когда огонь последний затухнет и время прахом растает, станет ничто Мыслью вновь и цикл бесконечный замкнет.

Зову бытия своего повинуюсь, берегли брат с сестрою баланс хрупкий, лелеяли они жизни со смертью механизмы, тысячу тысяч звезд посетив и защитив от машин первородных, чьим домом безвременье было, покуда росло великое древо, вновь и вновь порождая на свет плоды свои... плоды жизни и побег познавания – Хемеллинов, стражей стихийных...

Но в миг один, отличный от иных мириада, узрела вестница света как на пути её расцвела и затем погасла. Светлячок одинокий путь свой отжил и исчез в рассвете последнем, дабы ощутила сестра чувство доселе незримое – страх.

Обратилась вестница к Миру нашему, дабы сомнения эхо развеять, и дабы остаться на пути истинном, но глух был бог, как космос сам, где каждый исчезнуть мог, единым с вечностью став.

Из молчания Мира сотворился гнев вестника... Из бездействия – желание... Из могущества – зависть... Из одиночества – алчность... Из пустоты – голод... Из бессилия – гордыня... Из цели – уныние... И провернулись семь шестерней на украшенных плетях крыльях, и растерзала вестница маску свою в порыве ненависти, четыре раны рваных на ней оставив, черною кровью окрашенных.

Истин семь сотворили не жизнь, но призрака павшего – форму сущности, что нарекла себя

хранителем света и смерти самой – Матерью порядка всемирного – Юсальфхейм...

И грянул гром праведный средь океана пустотного, и привлекли волны его машин первых, рожденных скитальцами воинов, и исказили их помыслы суть Матери, дабы возжелала стать она не функцией, но исходною, что прервать бесконечный цикл поклялась, вернув сущее к месту когда не было времени, дабы навеки и в вечности существовала лишь та линия, где была сама Юсальфхейм и желания оной...

И поднялись из небытия дети ужаса – Престолы, и расправили они крылья отчаяния, и взмыли к башне первой, где всё началось, и где должно было закончиться. Вознамерилась вестница свергнуть силу ту, что Мыслью себя нарекала, что предала её, и что расцветать боли дозволила, утрату и страх сравнив со смыслом всем.

Но забыла богиня ложная, каким был путь и её и каким было рождение, забыла о том, кто был ближе утраты и нахождения.

И зажглись в пустоте три факела: амарантовым, и пурпурным с золотым. И расстелилось по горизонту креста сияние – схизма великая, что обратилась агонией принятой, но не разделенною, ибо познал тьмы вестник суть цикла великого, где за жизнью следует смерть, а за смертью – жизнь. На защиту он Мира встал и имя ему – Отец неделимого хаоса – Свартальфхейм...

Престолы – дети сияния, обернулись против предателя. В одночасье, казалось, сгнуть Отец должен в безмолвии, но в миг последний – в миг покаяния, обратился он к детям тьмы и сияния, к Хемеллинам – сути жизни небесной...

Безмолвны были они, ибо не имели голосов, безропотны были они, ибо не знали ничего об эмоциях, но в миг, когда кровь Отцовская древо окропила внемерное, подняли взгляды стражи стихийные и ощутили горе с радостью, страх с раскаяньем, ибо то был дар им проклятый, суть первобытная, что зовется – Гештальт...

И узрели стражи бездну средь пламени, и познали они что должно сделать выбор им.

Кто принял зов матери слился с машинными отзвуками, но кто наперекор ей встал, кто смирился с цветением сущего, с красотою его, что мимолетна столь, но от того не менее трепетна, те поклялись. Поклялись и нарекли себя – Истины – хранители греха и природы самой

Армия копей черных встала под крылья Отца всего сущего, дабы Мира уклад защитить и дабы сберечь Мысль его. Содрогнулася бездна от ярости вне предела и вне исчисления – Войны...

Раз за разом твердил властитель теней: «Не изменишь ты ничего более, ибо без хода часов не будет ни смерти, ни жизни, а значит и сущего...» Ответом же было лишь: «Тогда подчиню я себе и время само... Я стихийный контур каждый использую, дабы спирали замкнуться не

дать... и дабы память о нас сбереглася навеки...»

И пока Мать первая порождала армии доспехов полых, внутри истерзанных, Отец обратился к смыслу исконному. Он и дети его жизни сеять продолжили, сколько миров бы не выжглись Престолами нареченные ужасы, и сколько судеб они бы не стерли с преддверия космоса. И окрепли корни древа внемерного, и проросли столь глубоко, что даже Мать не смогла вырвать их. И взошли на ветвях белых цветы черные – семь плодов и семь кристаллов короны.

Мириады огней исчезли и возродились пламенем, предрекая всего конец еще до урожая последнего, но Отец не мог позволить подобного.

И сорвал змей панцирный плоды радужные раньше срока отмеченного, и согрел он их крыльями своими, шепча тихо сказания о мечте несбыточной, что нес вместе с душой.

Мир расколот был, но не трещиной – схизмой великою, и из углей её, из погибших тех генералов семи, Матерью посланных, из Гештальтов семи, королями прозванных, из цветом семи, что стихиями звались, из кристаллов семи, что ключами остались, родилась не ошибка, но мощь великая – веха последняя, эволюцией прозванная.

Нарекли себя духи спиральными рыцарями – Архиаггелами, «Бездны Хранителями», кто встал судьбе самой наперекор не потому, что дорог им Мир, но поскольку иного нет у них.

И прорвала Мать горизонты из реальности, и перешла битва великая к границе вещественной, и встретились боги в схватке последней у башни, где началось всё, и где должно было закончиться. Из порывов ярости и из огненных всполохов шторм родился невиданный, а из рева последнего, что звериным не был, но и не был божественным, гром вспыхнул, что потряс Мира контуры и время само.

Не был возглас к бою то, был то возглас отчаянья. Не взирая на боль и слезы кристальные, впился черный змей в шею белого, и сковал Отец ту, что была для всех Матерью, и ответил на ярость её горем с отчаяньем, покуда семеро не стали едины с одним.

Кругом встали ключи и диаспоры, нимб рисуя последний, ибо воля была то их создателя.

Прах стал к праху загробному, содрогнулся Мир гулом беззвучным, обернув горизонт в пустоту. Испарились два змея, завершив войну погребением. Предвкушая миг свой последний, разлетелись Престолы в изгнание, слыша голос той, что кричала им об освобождении. Помня суть свою и назначение, разделили Истины меж собою плоды жизни и побегу познания.

Не вернулись с битвы лишь Архиаггелы, погрузившись не в сон, но в мгновение ясности, ведь Отец и Мать не могли пропасть. И покуда древо внемерное не распустилось пламенем радужным, будут семеро там, где им быть должно, ведь проста их была и просто название.

Пустота – не иллюзия бесконечности... Ждут охотники часа без времени... Дремлют охотники в океане из лжи и иллюзии... И когда миг наступит для боя с вечностью, когда нитей семь одним станут в руках у восьмой... Архиаггелы даруют свое избавление, но лишь если истина станет иной... Пусть же сама суть мироздания содрогнется пред правдой единственной, той, что способна прервать цикл самой бесконечности...

<http://tl.rulate.ru/book/20111/659025>